

Михаил Калинин¹

ДНЕВНИК СУМАСШЕДШЕЙ ЭПОХИ

В каждую литературную эпоху имеются «тёмные» пятна, о которых сегодня ничего неизвестно. Тем не менее, литературный процесс складывается и из «тёмных» пятен. И чем дальше от столиц находится то или иное лицо, каким бы талантливым оно ни было, тем труднее заявить о себе.

Если взять «Золотой век», то кроме Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Тургенева, Достоевского, Толстого, то есть тех, кого изучают в школе, современный человек, пожалуй, и не вспомнит других писателей. Сегодня мало кто назовёт, например, Ивана Козлова (1779–1840), среди произведений которого всем знакомый и оттого кажущийся народным «Вечерний звон» (1827); Дениса Давыдова (1784–1839), более известного благодаря Отечественной войне 1812 г.; Ивана Мятлева (1796–1844); Антона Дельвига (1798–1831); Нестора Кукольника (1809–1868); Алексея Константиновича Толстого (1817–1875), участвовавшего в создании коллективного псевдонима Козьмы Пруткова; Льва Мея (1822–1862); Алексея Апухтина (1840–1893); Ивана Сурикова (1841–1880), у которого пытливым читатель найдёт «звучащую» и в настоящие дни песню «Рябина» («Что шумишь, качаясь, / Тонкая рябина...»); Семёна Надсона (1862–1887)².

В советское время тоже было немало безызвестных, со временем забытых писателей. К таким именам относятся, например, Александр Шаров (1909–1984), в творчестве которого представле-

---

¹ Калинин Михаил Сергеевич окончил филологический факультет Кемеровского гос. университета. Критик. Публиковался в коллективных сборниках, журналах «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Бельские просторы» (Уфа), «На русских просторах» (Санкт-Петербург), на электронных ресурсах Оренбурга, Новокузнецка. Участник I Всесибирского Совецания.

² Золотой век русской поэзии. — М., 2009.

ны напряжённое пространство, гнетущая атмосфера, как в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского; Вадим Кожевников (1909–1984), малая проза которого культивирует мотив ответственности; Илья Зверев (1926–1966), чьи рассказы имеют мемуарный характер, и автор, вживаясь в тот или иной образ, выносит суждения о пройденной жизни; Валерий Алексеев (1939–2008), в творчестве которого присутствуют повести «Из жизни магистра Нечаева», «Комментарии к детству» и др.

В настоящее время, благодаря Интернету, стало проще заявить о себе. Да и большее по сравнению с прошлыми эпохами количество журналов (в Москве: «Юность» и «Новая Юность», «Наш Современник», «Дружба народов», — «Сибирские огни» в Новосибирске, «Огни Кузбасса» в Кемерово, «Бельские просторы» в Уфе, «Веретено» в Калининграде, «Гостиный двор» в Оренбурге, «На русских просторах» и «Нева» в Санкт-Петербурге, и другие) позволяет заявить о себе местным авторам. Но даже современность знает массу «тёмных» пятен, которые никто не замечает.

В «Серебряном веке» «тёмные» пятна во многом обусловлены убийствами во время Первой Мировой войны и революции и самоубийствами, в том числе среди творческой интеллигенции. Приобретший известность Николай Гумилёв (1886–1921) был расстрелян по ложному обвинению. Лирический герой Самуила Киссина (1885–1916), застрелившегося прямо на передовой, находится в ожидании, в поисках иных миров.

Леонид Семёнов (1880–1917) был убит во время беспорядков революции, когда, как говорят историки, вместе с политическими заключёнными из тюрем были выпущены уголовники. Творческий человек происходит из рода великого путешественника, исследовавшего горную систему Центральной Азии Тянь-Шань и получившего её название в фамильное пользование.

Доктор филологических наук В.С. Баевский пишет, что дебютировал Леонид Семёнов в литературе стихами в 1900 году в «Литературном сборнике, изданном студентами Санкт-Петербургского университета в пользу раненых буров». В этом же году начинающий поэт, — сообщают биографические материалы, — переводится с естественного факультета Петербургского университета на историко-филологический. В.С. Баевский отмечает, что его популярность граничит с известностью Александра Блока: «По своему человеком-эпохой был и Семёнов. Если у Блока боли его времени преломлялись в творчестве, прежде всего, в трагической

Леонид Дмитриевич
Семёнов-Тян-Шанский
(1880–1917)

лирике, то Семёнов отразил драматическое время в своём жизнестроении»³.

С 1903 года лирик появляется в печати регулярно и привлекает к себе внимание литераторов символистского круга⁴. Но затем он ведёт себя несколько заносчиво. Тем не менее, — пишет В.С. Баевский, — поэт развивается. В 1903 г. появляется стихотворение «Священные кони несутся...», которое прочитывается как в символистском ключе, так и в революционном контексте, как предсказание близкой революции. Очевидно, в художнике зарождаются новые поиски себя.

В 1905 г. выходит единственное «Собрание стихотворений». Стихи насыщены поэтикой фольклористики. Появляются «пламя девственно-святое», пляски по кругу, безмолвная ольха, «гимны Варуне» и т. д. Сравнения человеческих тел в индийской традиции выдают в комментаторе эпохи философа.

В рецензии на «Собрание стихотворений» Александр Блок отмечает, что «стихи покоятся на фундаменте мифа». Также Блок говорит о зависимости Семёнова от А.К. Толстого, Н. Щербины, З. Гиппиус; В. Гофман, наоборот, видит влияние самого Блока. Брюсов более холодно отнёсся к начинающему поэту: «Стихи осторожные, обдуманые, хочется сказать, благонамеренные. Ничего резкого, неожиданного, отважного. Благодаря этому нет прямых недочётов, смешных промахов, но зато нет и настоящих достижений, нет истинного сияния». Пяст отмечает «гипердактилические» рифмы.

Стихи наполнены космологической семантикой — на тёмном небе появляется «блеск блуждающих огней». Поэт пишет и о земле, и о солнце: реализуется семейная традиция естественного образования. Встречаются магические черты современной для автора действительности, когда лирический герой в новолунье «пробрался к молодой колдунье...» и в ожидании своей участи припал к земле.

³ Баевский, В. Леонид Семёнов — жизнестроитель и поэт / В. Баевский // Вопросы литературы. — 1994 — № 5. — С. 171–208.

⁴ https://ru.wikipedia.org/wiki/Семёнов-Тян-Шанский,_Леонид_Дмитриевич.

В прозаическом творчестве на первый план выступает смирение, к которому писатель приходит в конце жизни. Как пишет В.С. Баевский в статье «Леонид Семёнов — жизнестроитель и поэт», «в 1915–1916 г. совершился поворот Семёнова к православию. Он дважды посещал Оптину Пустынь, его ласково встретил старец отец Анатолий. Стремившийся всегда пройти любой путь до конца, Семёнов решил принять монашеский постриг. Однако, неожиданно для себя он не получил благословения от своего старца. Вместо этого через некоторое время отец Анатолий благословил его принять сан священника и жениться»⁵.

В очерке «Городовые» герой, находясь в застенках и претерпевая избиения, говорит своим мучителям: «Простите меня, я о вас не подумал...». Так обозначены христианские мотивы задолго до того, как писатель приходит к этой основе жизни. Несмотря на то, что «Городовые» написаны в 1907 году, в них уже видна нить, которая, впрочем, была характерна для семьи Семёновых-Тян-Шанских в целом, — православие. Биографы отмечают, что писателя кидало из стороны в сторону: как и дед, и брат, и дядя, он был исследователем, затем — революционером, толстовцем, сектантом и, наконец, священником.

В «Городовых» зарождается современное литературное направление «лагерной прозы» (В. Шаламов, А. Жигулин, Г. Владимов, А. Солженицын). С течением времени меняется взгляд: в очерке «... всё время эти бессмысленные ругательства» наблюдаются со стороны надзирателей, а у Юза Алешковского, например, читатель слышит обценную лексику от заключённого, хоть и бывшего. В сюжете «Городовых» появляется возникший чуть позже «поток сознания».

В произведении «У порога неизбежности» читатель видит написанную от лица совестливого персонажа исповедь. Если учесть, что на грешника смотрят «внимательные глаза» мертвецов (Виктора, тёти Оли, Варцелиуса, Ивана Васильевича, бабушки, Славы), то исповедь принимает страшные черты. В общении с мертвецами персонаж приходит к выводу, что их смерти напрасны.

Произведение имеет форму дневника, запечатлённого от имени героя, переживающего бурную эпоху. В.С. Баевский пишет: «9 января 1905 г. Л. Семёнов вышел на улицу. Он видел кровь рабочих и едва сам не был убит. Стрельба солдат по безоружным,

---

⁵ Л.Д. Семёнов «Стихотворения. Проза». — М., «Наука», 2007.

пашки и нагайки казаков вызвали в его душе кризис. Он стал участником революционных манифестаций, вступил в партию социал-демократов». В авторе крепнет смирение, так как становится безразлично, как умирать, когда умирать, то есть, как священник, он принимает свою участь. И это несмотря на то, что произведение написано в 1909 г., задолго до благословения.

В прозе Леонида Семёнова берёт начало литература «потерянного поколения». В том, что «не всё ли равно тогда — как умирать?.. Это было ужаснее всякого падения, позорнее всякой измены и страшнее смерти. Полное равнодушие всего ко всему. Ничего не нужно, всё безразлично...», кроется зерно будущих романов Ремарка и Хемингуэя.

Вместе с тем «У порога неизвестности» — дневник сумасшествия, так как персонаж разговаривает с покойниками и появляется «другой мой “я”» (раздвоение личности). Но в то же время — это дневник сумасшедшей эпохи. Перед читателем герой-эпоха.

Прозаическое творчество наполнено рассуждениями о жизни. Но всё это читатель воспринимает словно от неживого (объективного) человека, который говорит: «мы сами не настоящие, вы сами не настоящие». И жизнь заключается в поисках «настоящих людей».

Автор развивает шекспировскую мысль о том, что «жизнь — игра, и люди в ней актёры». С детства заучивая литературные штампы, люди творчески пытаются следовать им в реальности. И в этом автор видит «страшное зло». Любовь писатель называет такой же игрой, так как в его жизни было страшное событие — женщина, которую он любил (Мария Добролюбова), умерла в молодом возрасте.

Как указано в комментариях к «Листкам», они были опубликованы в 1909 г., но «первоначально в первой половине 1907 г. он <Леонид Семёнов> отдал его <цикл> в журнал “Трудовой путь”». Однако позже в этом же году он решил это не печатать.

Копируя литературу, человек включается в заколдованный круг, из которого нет выхода, потому что, как говорит писатель, «каждая литература уже отражение жизни, но наша литература уже отражение отражений». Так, из публицистики свидетеля страшных событий можно вычленить языческий символ. И рассуждения о жизни автор плавно подводит к тому, что такое литература. Как бы грубо это ни звучало, но результатом раздумий получается утилитарный вывод: литература — такое же средство

заработка, как физический труд, и никто из писателей не стремится раскрыть душу, а хочет просто заработать. Возможно, в нём говорит обиженный на всё общество из-за самоубийства Марии Добролюбовой человек.

Используемые в прозаическом творчестве традиции коренятся в середине XIX века. Важными фигурами в это время оказываются Н.Г. Чернышевский и А.И. Герцен. Как указано в комментариях к эссе «У порога неизбежности», писатель увлекался романом Н.Г. Чернышевского, «придя в революцию 1905 г.». Н.Г. Чернышевский писал роман «Что делать?», находясь в одиночной камере Алексеевского рavelина Петропавловской крепости, с 14 декабря 1862 г. по 4 апреля 1863 г.

Во многих рассказах отсутствуют имена героев: просто инженер, генерал-губернатор, офицер-судья. Подобным образом автор отражает типичность происходящих за окном событий: «Генерал-губернатор... семерых... предписал... Ну. И пришлось пятерых... того... Царство им небесное!» В этих словах заключён ужас изображённых в рассказе «Смертная казнь» (1908) событий. Рассказ описывает последние дни приговорённых к повешению революционеров.

Свидетель истории отмечает безвыходность стараний по смягчению приговора осуждённых, особенно матери и сестры гимназиста, потому что он самый молодой среди приговорённых. Как говорит генерал-губернатор: «Всё, что по закону, будет исполнено».

В мыслях безымянного инженера, похожего на Н.Г. Чернышевского, смерть воспринимается как «маленькая операция», после которой ничего не будет. Разум инженера представляет мышление самого Леонида Семёнова. И восприятие смерти как операции есть прообраз эвтаназии. Инженер ведёт себя совершенно спокойно, без истерик, когда идёт на эшафот.

Автор отмечает абсурдность ситуации: и прокурор, и защитник, и священник считают, что по-человечески приговорённых жаль, но «пока есть один закон, его надо исполнять», и жаль, что «они не юристы и не могут понять простой истины». В произведении на первый план выступает конфликт человечности и закона, обострившийся к началу XX века.